

СЕРГЕЙ ЧЕФРАНОВ

Глобальный хутор 2416

СЦЕНЫ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ. 1 – 7

Сергей Чефранов

**Глобальный хутор 2416.
Сцены сельской жизни. 1—7**

«Издательские решения»

Чефранов С.

Глобальный хутор 2416. Сцены сельской жизни. 1—7 /
С. Чефранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835184-6

«Сцены сельской жизни 2416 года» можно отнести к жанру фэнтези-абсурда. Может быть, это совсем новый жанр, тогда их следует назвать смелым и веселым экспериментом. Веселым — потому что во всех сценах есть юмор, где-то черный, где-то светлый. Как и в большей части фантастической литературы, читатель и здесь найдет символы дня сегодняшнего, встретит знакомые явления общественной жизни. Автор надеется, что навыки понимать эзопов язык еще не утрачены отечественным читателем. Здесь они пригодятся.

ISBN 978-5-44-835184-6

© Чефранов С.
© Издательские решения

Содержание

Как пролетело «Будущее»	6
Десять негритят	10
Шум в голове	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глобальный хутор 2416
Сцены сельской жизни. 1—7
Сергей Чефранов

© Сергей Чефранов, 2016

ISBN 978-5-4483-5184-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как пролетело «Будущее»

Василиса вбежала в комнату, раскрасневшись и мотая во все стороны косой. На конце косы висели бубенчики. Они звенели.

За широким столом на могучих ножках, покрытом белой чистой скатертью, сидел на стуле с высокой спинкой Батя. На лавках вокруг стола еще никого не было. Кроме Бати в комнате был еще только один человек – хромой старичок Прохор. Он сидел на сундуке возле стены, прижавшись щекой к светлому листовничному бревну, из которых был сложен дом. Прохор усердно тыкал пальцем в пульт дистанционного управления, чтобы переключить канал с песен и плясок на чрезвычайные новости. Это был новый канал – «Чрезвычайные новости Земли». Это был хороший, надежный канал, так как плохих чрезвычайных новостей не случилось.

Батя ждал ужина и разговоров. Василиса явилась к месту.

– Ну, что нового на ферме, дочка? – спросил Батя.

– Сто восемнадцатый доильщик заржавел. Его на дворе оставили, под дождиком.

– Плохо.

– Вместо него сто девятнадцатый взяли.

– Хорошо.

Василиса села рядом с отцом. Старичок Прохор заерзал на сундуке, пытаясь попасть пультом в телевизор. Но винтовка, висевшая на высокой спинке стула Бати, патронташ с патронами, висевший там же, да еще бубенчики в косе Василисы экранировали телевизор, и переключить канал не удавалось.

– А где Иван? – спросил Батя.

– Опаздывает, обычное дело, – подал голос Прохор.

– Плохо, – сказал Батя, насупив брови.

– Или, у него сегодня смена должна быть. Вчера-то он здесь околачивался.

– Хорошо, – Батя повеселел.

– Добрый специалист – Ванька, – снова подал голос старичок Прохор. – Не чета другим.

И считать умеет, и в выключателях не путается.

– И сосед хороший, охоту любит, – добавил Батя.

– И с девками не шалит, – продолжил Прохор.

– Он читать любит, – вставила Василиса и зарделась.

– Хорошо, – подвел итог Батя.

В сенях кто-то споткнулся о ведро. Раздался звон, и стало слышно, как зацокали по полу, а потом по ступенькам крыльца, огородники.

В комнату ввалился широкоплечий Джон. Его красные губы на черном лице расплылись в извиняющейся улыбке.

– Я там ненароком ваших огородников из ведра выпустил. Крышку сбил, они и побежали.

– Ничего, – ответила Василиса, – в кабачках и свекле уже сорняки появились, они прополют.

– Хорошо, – сказал Батя. – Но где все-таки Иван?

– Опаздывает? – спросил Джон, подмигивая Василисе.

– Плохо, – сказал Батя.

– На дежурстве он, – крикнул от стенки Прохор.

Металлические серьги в ушах Джона обрekli его попытки переключить канал на новое поражение.

– Хорошо, – вздохнул Батя.

– Ванька никогда не опаздывает, – сказал Джон. – Я его два часа назад видел. Он в форме был. При полном параде.

– Я у него в доме на стене красный диплом видел – диспетчер высшей квалификации. Пять языков знает. Плюс сто со словарем, – Прохор встал на сундуке на колени и вытянул руку с пультом, тщетно стараясь пробиться сквозь помехи.

– Хорошо, – сказал Батя, – диплом – это хорошо.

– Он сто первый учит. Или шестой? – вставила ненароком Василиса и стала накручивать на палец конец косы.

Бубенчики зазвенели.

– Плохо, – снова со вздохом сказал Батя.

– Что плохо, батенька? – испуганно спросила Василиса.

– Плохо, что ясности нет: шестой или сто первый.

В сенях снова кто-то затоптался. На этот раз раздался плеск воды, и через минуту в комнату вплыла хозяйка – Марья Моревна, с рукавами цветастого платья, мокрыми до самых плечей.

– Что же вы кадку с живой водой крышкой не прикрыли, и свет погасили. Я по привычке на нее фонарь поставила, он и ухнул. Пока достала, вся вымокла, и по полу воду расплескала, уже ветки полезли, за ноги цепляются.

– Плохо, – сказал Батя.

– Ничего, я вам рубанок-самоход принесу, мигом приберется, – сказал Джон

– Хорошо. Самоход – это хорошо.

– Шуку не выплеснула? – спросил со своего сундука Прохор, – хоть к ней на поклон иди, программу узнавать.

– Не выплеснула. Там она. Все уши прожужжала, пока я фонарь доставала. Все про какое-то будущее спрашивала.

– Ну да, – Джон оглянулся на «песни и пляски» в телевизоре. Скоро уже должны трансляцию начать. У кого пульт?

Марья Моревна села за стол по правую руку от Бати. Старичок Прохор спрыгнул с сундука и просеменил к столу, сел рядом с хозяйкой, положив руку с пультом на стол.

Батя оглядел всех:

– Ну, начнем ужинать, что ли?

Марья Моревна хлопнула в ладоши. Дверь распахнулась и в комнату вплыли статные многорукие подавальщицы.

Джон наклонился к поставленной перед ним тарелке с огромным куском жареного мяса. Старичок Прохор улучил момент и, прицелившись поверх черного затылка Джона, сумел переключить канал с плясок на новости. После чего положил пульт в карман и взялся за вилку с ножом.

В телевизоре журналист, освещенный прожектором, поминутно поворачивался к ночной пустоте за собой и трещал:

– Вот-вот зажгутся причальные огни на полосе и экипаж «Будущего» увидит свой родной дом.

Журналист посмотрел на часы, потом снова обернулся на темную полосу, и заскучившим голосом начал рассказывать:

– Триста лет назад несколько десятков землян отправились на сверхновом космическом корабле на поиски планеты, пригодной для переселения. Благодаря эффекту, предсказанному еще Эйнштейном, время на корабле шло намного быстрее, чем на Земле. Поэтому через несколько минут мы увидим возвращение наших предков – практически в том возрасте, в каком они улетали. И мы уже знаем, что они везут нам прекрасные новости – планета для переселения найдена. Будущему землян теперь ничто не угрожает!

Журналист снова оглянулся на неосвещенную полосу:

– Вот-вот зажгутся причальные огни...

Но огни не зажигались. Зато откуда-то сверху, от звезд, прорываясь сквозь многослойную кровлю, способную выдержать удар небольшого метеорита, донесся гул.

– Мы уже видим огни «Будущего» – кричал, захлебываясь собственным энтузиазмом, журналист, тыча рукой в черное небо.

– Вот они! Приближаются со стороны Большой медведицы!

Огни на посадочной полосе все не зажигались.

– Плохо, – сказал Батя, – без лампочек им ночью не сесть.

– Ванька все во время сделает. У него красный диплом, – ответил Джон.

– Ванька не подведет. Столько ждали, – поддакнул Прохор.

– Он что, и правда – сегодня дежурит? – испуганно спросила Василиса.

– Ну да, – ответил Джон. – Я его видел в форме. И ключ от главного рубильника, как обычно, был у него на цепочке.

– Ой! – всплеснула руками Василиса и вскочила, – Он же на сеновале сейчас! Он заснул, я не стала будить, за стол торопилась.

– Плохо, – сказал Батя, грозно взглянув на Василису.

– Ишь ты, девка, лучшего парня охмурила! – захихикал старичок Прохор.

– Что ж ты, дочка, ничего не говорила! – залепетала Марья Моревна.

– Плохо! – громче прежнего произнес Батя.

– Да, хорошего мало, – согласился Джон, – запасного космодрома для такого случая не предусмотрено.

Гул с неба становился все мощнее. Он наваливался на избу, как ветер на столетние ели, пригибая их верхушки.

– Я думала, он для меня парадную форму надел, – чуть не плача сказала Василиса. Она прижала ладони к ушам:

– Ой, как гудит, голова раскалывается!

В черном телевизоре было видно, как огромный звездолет проскользнул по небу и ушел в ту сторону, где еще мерцала над горизонтом тонкая полоска заката. Гул стих.

– С крыльца было бы лучше видно, – сказал Джон, можно было бы на веранде стол накрыть.

– На веранду подавальщицы боятся заходить, на них дверь лает, – ответила Марья Моревна.

– Плохо, – проговорил Батя, отодвинув от себя тарелку.

– Что плохо, батенька? – спросила Василиса.

– Плохо, что хорошего парня на сеновале оставила. Теперь понятно, от чего у тебя доильщицы под дождем ржавеют, растеряха!

– Я ему позвоню сейчас, – сказал Джон, – позову к нам. На космодром ему теперь не за чем идти.

– А его там, наверное, потеряли, – хихикнул Прохор, – звездой телевизионной мог бы стать.

– Звони, зови, – сказал Батя, снова пододвигая к себе тарелку.

– Я быстрее сбегаяю, – воскликнула Василиса, вскакивая из-за стола.

– Мундир может на сеновале оставить, – крикнул ей вдогонку Джон, – все равно утром на охоту собиравались. Я ему куртку свою дам.

Журналист в телевизоре обрел дар речи и подал голос:

– Видимо, план встречи изменился. «Будущее» пошло на второй круг. По расчетам ученых, которые мы получили только что, следующая посадка будет возможна через сто или сто

пятьдесят лет. Но это предварительные расчеты, точные данные слушайте и смотрите в нашем следующем выпуске.

– Хорошо, – сказал Батя, втыкая вилку в свой кусок мяса.

– Что ж хорошего? – спросила Марья Моревна, – вот и будущее пролетело, не село.

– Хорошо, что на охоту собираемся. И что мундир на сене оставит – хорошо. Без мундира хозяйством сподручнее заниматься.

– А Василиса что-то давно не возвращается, – ехидно проговорил старичок Прохор. – Оно и понятно, дело молодое!

– Смотри в тарелку и молчи! – махнула на него рукой Марья Моревна. – Или, вот, канал смени, надоел этот болтун.

После ужина все вышли на улицу, сели на скамейку, и по привычке молчали, глядя на звезды

– На кого завтра пойдем? – спросил Иван, державший за руку Василису.

– Вот если звезда упадет налево – на лося. А если направо – за бобром. – ответил Батя.

Сидели до полуночи. Потом пошли спать.

Звезд в этот вечер нападало много. На кого охотиться – утром пришлось спросить совета у щуки.

Десять негритят

Батя был доволен. Джон вернулся к сроку – скоро начнется страда, а на огородников и прочих приспособленцев, чиненных-перечиненных, надежды мало. Из летуна, когда он сел на лугу и выползла лесенка, за Джоном спустились десять мигрантов, таких же черных, как Джон, но помельче.

Батя видел их из окна.

– Мелкий народец, – сказал Батя. – Но, говорят, работающие, а едят немного.

– Кто такие? – спросил старичок Прохор, дохромавший до окна и забравшийся на широкую лавку под ним.

– По знакомству достал, – ответил Батя. – В Африке, в колониях такие живут. Они грамоте не учатся, все больше о травках и корешках помышляют, прямо на земле живут.

– Какие такие колонии? – спросил старичок Прохор.

– Известно, какие, – подала голос из угла Василиса, – экологические колонии, генофонд сохраняется на будущее.

– Все-то у вас научно и с дальним прицелом, – сморщился Прохор. – А польза она ближе лежит. Вот у меня колено заныло. Значит – ночью дождь будет, сырость. Однозначная польза! К бабке не ходи!

– Ты вот мою бабушку спроси, она все уже посчитала, покумекала.

– И то правда, – включилась в разговор Марья Моревна, хозяйка. – Эти африканы мяса не едят, к земляному труду привычные. На картошке и репе десяток лет протянут, а там – билет на летун и обратно. А то и поженим на деревенских. Хотя, – она с сомнением покачала головой, – у нас девки покрупнее будут.

– Ну а польза то в чем? – не унимался Прохор. – У вас что, огородников мало, или доильщицы барахлят?

– Да они же все на электричестве! – прогудел Батя, – а электричество дорожает. В новостях сказали, что в полтора раза. А шука говорит, что не в полтора, а во все два!

– И на солнечных панелях долго не продержишься, – добавила Василиса.

– На них то уж точно, не положишься, – согласился старичок Прохор, растирая колено, – все болит и болит, все к дождям и дождям.

– Так вот, Иван с Василисой посчитали, и ясно стало, что мигранты на картошке и репе выгоднее, чем электричество. Рацион составили. Даже молоком поить можно.

– Да как же вы их выписали, как инвентарь, что ли?

– Это уж Джон устроил. Он, черт черный, хитрый, по миру поколесил, все знает. Там у них, в колониях этих, переизбыток нарождается, генофонд то ли лишний, то ли бракованный. Ну и по знакомству можно выписать.

За дверью загремели шаги, кто-то зазвенел кружкой о ведро. В горницу вошел, вытирая красные губы черным запястьем, Джон. Розовая ладонь была мокрая.

– Пока летели, пить захотелось. Не выдержал, прямо из бочки зачерпнул. Шуку, похоже, по морде саданул случайно, – сказал Джон.

– Как ты можешь эту воду пить, она же тинной воняет, – пожалла Василиса плечами под цветастой рубашкой.

– Тина тинной, а вода-то, почитай, живая. Шука то сколько лет живет, недохнет! – закашлял Прохор, слезая с лавки, – пойду, что ли, и сам приложусь к кадочке.

– Как все прошло, – спросил Батя, – все пригодилось?

– Еще как пригодилось, – заулыбался Джон. – Я этим – на воротах, которые с бляхами, как вывалил мяса, творожка, бидон со сметаной, так они, как мухи чернявые слетелись. Фуражки поскидывали, чуть не руками в корчажки полезли. Пришлось по макушкам постучать, чтобы

о деле не забыли. Ну они даже рож не вытирали, побежали, привели толпу. Я десяток выбрал. Отвели их потом в отдельную комнату, помыли, одели. Так что все в порядке – принимай в штат.

– Иван тебя встречать пошел, – сказала Василиса.

– Встретил. Там он, у сараев, с работниками новыми, – Джон поднялся, – тоже пойду к нему, покормить их надо. Проголодались. Некоторые так даже шатаются.

– Сегодня пусть, так уж и быть, отдыхают, а утром – на работу. Я сам расставляю, – сказал Батя.

Василиса встала с заскрипевшего стула, поправила юбку и выскользнула за Джоном.

– Правильно, дочка, пригляди за мужичками, – сказала Марья Моревна ей в след.

Батя шумно вздохнул, посмотрел на часы, потом на Марью Моревну. Та поняла взгляд правильно, поднялась, пошла на кухню. Пискнула там чудо-печка, затопали подавальщицы.

– Смотри, не брякни кому-нибудь невзначай в деревне. Пускай пообвыкнут, а то завистников много, на прививки все время изведем, работать некогда будет.

– А то я не понимаю, – старичок Прохор обиженно вытянул губы, – санитарный инспектор – он, конечно, друг и помощник, но хворобы наши с нами рождаются, с нами и помирают.

Прохор все тер колено и кривил губы, а Батя сурово смотрел на дверь, как вдруг дверь раскрылась и вошла Василиса, придерживая руками испачканный подол. Она хмурила густые брови, доставшиеся от отца, и, поднимаясь к себе по лестнице, грозно сообщила:

– Не хотят они репу вкушать. Хотела их простоквашей напоить, так все на себя вылила. Они все брыкаются и по своему бормочут.

– Басурманы и есть басурманы, – ответил Прохор.

– Плохо, – сказал Батя.

Прохор хотел что-то сказать, но промолчал, задумчиво глядя наверх.

Сверху бойко топоча каблучками по ступенькам сбежала Василиса – в новой юбке и фартуке. В руке держала воронку:

– Вот, у себя нашла. Помнишь, как делали, когда заблудшего лосенка отпаивали. И сейчас пригодится для этих мигрантов.

– Хорошо, – пробасил Батя, вперив взгляд в захлопнувшуюся за Василисой дверь.

Только и было слышно, как плеснула в бочке щука хвостом, да тихо зашуршала тряпичная половичка, спеша вытереть живую воду, пока не проросли доски пола.

Марья Моревна заглянула, сказала:

– Василиса всю простоквашу унесла, не знаю теперь, в чем мяско замочить.

– Плохо, – вздохнул Батя.

– А ты в первачке, в первачке, а еще горчички. И мягкость появится, и дух поперет. – посоветовал с лавки старичок Прохор.

Марья Моревна вопросительно поглядела на Батю.

– Хорошо, – прогудел тот.

В дверь стукнули, и вошел Иван.

– Трофим Трофимыч, – спросил он. – Я у поросят пойла заберу немного, на эксперимент. Ничего эти мигранты жрать не хотят. Может, консистенция не та. И, главное, не говорят ничего. Ни слова по нашему не знают. Сначала булькали что-то по своему. А теперь вообще молчат. Только глазками зыркают.

– Хорошо, – ответил Батя.

Иван повернулся к двери, но, бросив взгляд на стены, увидел на крючке смотанный кнут.

– Я и кнут возьму. В прошлом году коровы клевер жевать не хотели, так кнут сильно помог.

– В прошлом году на поле с клевером летун какашки сбросил. Вот они и не паслись. А потом, после кнута-то, молоко все в реку сливали. Рыба потом брюхом кверху плавала, – сообщил как бы невзначай Прохор.

– Да не какашки это были, а гравитационная защита на секунду раньше сработала. Коровы на взлетную полосы зашли, вот и случилось непредвиденное маневрирование. Кто знает, что там в почве синтезировалось. А то, что рыбы дохли, это – другое дело. Главное, коровы клевер жрали.

– Бери, бери, – кнут в сельском хозяйстве – первое дело, – разрешил Батя.

– Да поживее там, ужинать Марья Моревна уже собирает.

Иван хлопнул себя по сапогу кнутом и вышел. Слышно было, как хлопнула дверь на улицу.

Марья Моревна вошла в горницу, вытерла руки о полотенце, повесила его на спинку стула.

– Что-то долго возятся. Спать то где положим, работничков этих заморских? На сеновал не хочу пускать, дух попортят.

– Пустяки, Ванька им давно лавки смастерил в старом амбаре. Туда только подавальщицы не ходят – ступенька одна чересчур высокая. Да ладно, еду в дверях примут. Или ворота распахнут.

В сенях снова застучали сапоги, и в горницу вошел Джон. Молча сел напротив Бати, задумчиво пошевелил черным приплюснутым носом, облизнул красные губы.

– Язык у тебя, как у теленка, – сказала Марья Моревна, – проголодался? Или волнует что?

– Да не пойму я мигрантов своих. Грузились, летели – бойкие были. Даже на женщин посматривали. Без последствий, понятное дело, только головами крутили. А тут как замороженные стали. Трое уже и не встают. А остальные – как эпилептики дергаются.

– Так вот и надо было парочку противного полу прихватить, – съязвил с лавки Прохор.

– Да я думал, просил. Сказали, нету. Весной будут. А сейчас – закончились.

– Может, разница во времени или температурный режим не тот? – продолжал высказывать гипотезы Прохор.

– Да мы уже и попонами накрывали, – дрожат и не встают.

В дверь вошел Иван, смотал кнут, повесил обратно на стену.

– Еще двое кончаются.

– Может, лихорадка какая! – встрепенулась Марья Моревна. – Так надо обезопаситься!

– Правильно! Безопасность – первое дело, – Прохор перестал растирать колено и на одной ноге допрыгал до стола, сел на стул.

Вернулась Марья Моревна с подносом, на подносе – серебряные стопки дедовские и бутылка с чем-то прозрачным. Поставила поднос, разлила из бутылки по стопкам.

Батя первым протянул руку, задумчиво выпил и хлопнул себя по затылку:

– Пойти что ли, глянуть. Поросль зеленая, сами не разберетесь.

– Так я за вами, Тофим Трофимыч, и пришел. Посоветовали бы, как с народом обращаться.

– Знамо дело, как! Вон, сундук стоит. Триста лет не открывали. Там в газетах все прописано.

– Почитаем, почитаем, Трофим Трофимович. А сейчас пойдете в старый амбар, там они все.

Батя пошевелил крутыми плечами, снова взял со стены кнут и вышел вслед за Джоном.

Справа от запертых ворот в амбар была раскрыта дверь. Возле ступенек стояла бадья, а в нее тыкался мордой молодой поросенок. На ступеньках, прислонившись плечом к косяку, стояла Василиса, покачивая в воздухе воронкой с длинным носиком. Фартук ее снова был в разводах, и край юбки тоже.

– Иван где? – спросил Батя.

– Там, – кивнула Василиса в глубь амбара и сама нырнула туда же.

Батя поднялся по ступенькам, скрылся в полумраке. Джон вошел за ним.

В амбаре, освещенным из-под потолка покачивающимся светильником, на лавках лежали пять тел. Одеты они были в одинаковые зеленые штаны и куртки. Под куртками – рубашки в каких-то цветах и птицах. Одежда у всех пятерых была густо измазана то ли простоквашей, то ли поросячьим пойлом. На свободной лавке лежали репки, некоторые порубленные на куски.

Двое на лавках изредка подрагивали. Еще пятеро мигрантов столпились в углу и не шевелясь и не моргая смотрели на вошедших.

Батя сумрачно глянул на них:

– Да уж, производит же природа таких хилых.

Будто в ответ на его слова один из стоящих в углу дернулся и повалился на пол. Все молча посмотрели на него, потом на Батю.

– Давай его сюда, на лавку!

– Джон с Иваном перетащили упавшего на свободную лавку, смахнули на пол репу, положили.

– Живой еще, – сказал Батя, положив руку на грудь мигранта. – Как бы не задохнулся, язык придержать надо.

Батя левой ладонью надавил и раскрыл челюсти мигранта, а правую пятерню засунул ему в рот. Нахмурился.

– Это еще что такое!?

Батя поднял правую руку. В ней змеился, уходя в рот тела на лавке, блестящий провод.

– Что такое! – Джон подскочил к лавке, сунулся с фонариком в рот мигранту.

Потом встал, подошел ко второму телу, заглянул в рот, потом к третьему. Остановился перед стоящей четверкой. Ничего не сказал им, а просто широко раскрыл перед ними рот.

Мигранты как один раззявили свои рты, из которых на пол зазмеились блестящие проводки со штепселями на концах.

Батя сел на лавку, положил ладони на колени.

– Плохо. Не те работнички. Подвели.

Василиса подошла, задрала на одном рубашку, прочитала:

– маде ин африка.

– Не позорься, – сказал Батя, – чужих мужиков заголять!

– Да не мужики это, батюшка, роботы это. И потрепанные какие-то! Хотя, вот, – она задрала рубашку повыше, – солнечные панели есть на груди.

Джон остервенело чесал кучерявую голову:

– Обманули, черти африканские! И обратно ведь не вернуть. Документы то липовые!

Иван внимательно разглядывал какую-то бирку на животе мигранта:

– Класс энергопотребления – прошлый век. Разоримся.

– Не разоримся, – сказал, поднимаясь, Батя. – Мы их на аэродром сплавим. Пусть вокруг взлетной полосы бродят, коров пугают. Все клевер целее будет.

– А эти двое так вроде ничего, – сказала Василиса, засмотревшись на парочку, которая еще держалась на ногах.

– А этими крышу над амбаром подопрем. Будут вместо атлантов. Только в зенки лампочки ввернем – летучих мышей пугать.

Ужинали в этот вечер молча. После ужина по привычке пошли посидеть в саду. Девять негритят лежали в амбаре на подзарядке, а десятый бродил между деревьев, собирая в темноте упавшие яблоки.

– Они что, в темноте видят? – спросила Василиса.

– А то! – гордо ответил Джон, – как леопарды. Обещали, что и по деревьям лазают.

И вострепнувшись, обернулся к Бате:

– Может, пару леопардов привезти? Для охоты!

– Хватит баловства с контрабандой. Своим умом жить пора.

Потом вспомнил что-то, повернулся к Марье Моревне:

– Шука-то что сказать хотела, плескалась, все сени залила?

– Да я не расслышала, все занята была. Как ни пройду, она все ворчит: ро..., ро..., ты..., ты... А потом плеск – и нет ее.

– А ведь предупреждала, старая. Пойду к ней, про погоду узнаю. Никому верить нельзя.

– Почему же никому, а колену? – возмущенно просипел старичок Прохор.

– Если бы мое было, поверил бы. А твоему – нет. Надоверился уже, хватит.

Батя хватанул кнутом, с которым до сих пор не расстался, по скамейке, и ушел. За ним и Марья Моревна. А остальные еще долго сидели, считали взлетающие спутники и грызли яблоки, которые подносил из темного сада зеленоглазый «номер 10».

Шум в голове

Батя лежал на лавке, молчал.

Новенький бежевый тулуп дрожал на нем, прижимаясь курчавым воротником к широкой груди Бати, а рукава просунув под жилистую шею. Это был тулуп модели ЛБВ, то есть Любезный Без Воплей.

Батя помирал.

А было так: Марья Моревна пришла с хозяйства, поставила на кухне кувшин с парным молоком. За ней следом шел Петька-длинный, санитарный инспектор.

– Насчет проверки, – говорил Петька, – есть только один вариант решения: проверять – и точка. Так что никак не могу без проверки, уважаемая тетка Моревна, у меня же галочка в перечне стоит.

– Маловато у вас, сердешных, полномочий, – ответила ему Марья Моревна.

– Если относительно самой проверки, то да, немного. А вот насчет резолюции после проверки, – вариантов уже два: норма, или вне нормы.

– Так вот и болтает вас между двумя-то полюсами, как хвост у коровы между ногами. Не очень-то завидная доля. Ни фантазий, ни веселья!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.